

СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОППОЗИЦИОННОГО ДИСКУРСА ИНФОРМАЦИОННОГО РАДИО (НА ПРИМЕРЕ АВТОРСКОЙ ПРОГРАММЫ В. ШЕНДЕРОВИЧА)

Социальные и политические изменения последних десятилетий привели к существенным изменениям в российской журналистике, коснувшимся типологического уровня, на котором прежде всего выделяются идеологически неоднородные издания [2, с.27]. В формате оппозиционных источников информации наблюдаются разнообразные формы – от открыто и декларативно заявляющих о своей позиции изданий до выражающих ее в особых, художественно-публицистических формах, о специфике которых можно говорить в связи с «высокодинамической эволюцией стилистических норм» [3, с. 47], возрастающей ролью языкотворчества и языковой свободы.

Эстетическим же принципом современного диссидентства и инакомыслия становится постмодернизм, который «в аксиологическом плане зарекомендовал себя как эпатирующий, антиглобалистский проект, пытающийся методами иронии разобраться с проблемами современности» [11]. Все более отчетливо осознается идея глубинной взаимосвязи отечественного политического сознания и постмодернистского видения мира [1, с. 274].

Русский дискурс отличается своей амбивалентностью – подвешенным состоянием между властью и сопротивлением. С одной стороны, для него характерна апелляция к патриотическим ценностям, политически благонадежной риторике, а с другой стороны, можно говорить о том, что интересы родины в не меньшей степени вдохновляются и дискурсом эмансипации, и критикой власти [там же, 273].

Говоря об оппозиционном информационно-массовом дискурсе, следует учитывать, что спецификацию его формы обусловила не только

постмодернистская установка на игровое начало, интертекстуальность, мозаичность образов и коллажность структуры, но и идеологическая стратегия, заключающаяся в моделировании в рамках дискурса аксиологической картины мира. Основным методом при этом становится интерпретация, но не аналитического типа, а художественно-публицистического в его сатирическом и гротесковом выражении.

Новые направления развития публицистики связаны с тенденцией обогащения произведений признаками разных жанров и, как следствие, размывания жанровых границ. Исследователи выделяют множество переходных форм, которым приписывается статус новых жанров. В частности можно говорить о таком явлении в постсоветской журналистике, как полисинтетические жанры, цели которых имеют коммуникативный статус. В качестве задач могут выступать такие, как постановка проблемы, публичная оценка чужих концепций, прогноз, экспертиза, выработка общей с адресатом оценки, побуждение адресата к поиску путей решения проблемы и т.д.

Все сказанное в полной мере можно отнести к современному радио информационно-развлекательного и информационного формата, к основным особенностям которого относятся интерактивная деятельность участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений.

Основная черта современной радиоречи заключается в ее диалогичности, которая проявляется, во-первых, в полифоничной, интерактивной схеме организации многих программ, не только информационно-развлекательного, но и аналитического плана, а во-вторых, в представлении вариантности точек зрения на одну и ту же проблему, когда монолог можно рассматривать как свернутый диалог.

Исследователи журналистского текста (А.А. Тертычный, М.И. Шостак и др. [10, 13]) полагают, что размывание жанровых границ может затруднить процесс восприятия содержания, дезориентировать слушателя в своих

ожиданиях, но, как отмечает А.В. Олянич, единство современного публичного текста обеспечивает такой объединяющий элемент, как личность автора, целостность которого защищена потребностью современного слушателя и зрителя в презентационных формах подачи информации [8, с. 156].

Одним из радиоканалов, специализирующихся на выпуске жанрово-синтетических программ, направленных на критическое осмысление политических событий, является «Эхо Москвы». Характерные для авторских программ В. Шендеровича, Ю. Латыниной, Ю. Гонопольского экспрессивные языковые средства, речевая игра, ирония, постоянное подчеркивание оппозиционности по отношению к официальной идеологии обусловлены обобщенной моделью адресата, в качестве которого выступает активно думающая личность.

Объектом исследования нашей работы является коммуникативная организация оппозиционного дискурса информационного радио, представленная авторской программой В. Шендеровича, название которой – «Плавленный сырок» – задает параметры полифонической организации и многоплановости прочтения: образ продукта, пользовавшегося в советское время большой популярностью, рождает ассоциативный ряд: *сплавленность* как результат смешения ингредиентов, дешевизна, доступность. В передаче Шендеровича этот образ приобретает коннотативный статус советской мифологемы: плавленный сыр – та информация, которой правительство, чиновники щедро «кормят» простой народ. Таким образом, словосочетание «плавленный сырок» в рамках оппозиционного дискурса приобретает новое семантическое содержание – название программы с ярко выраженным фольклорно-игровым началом, которому соответствует ироничная речевая манера автора, актуализирующего дискурсообразующую установку на поиск истины, сомнение и критическое осмысление событий общественно-политической жизни страны. Обращаясь к типологии агентов политического дискурса Е.И. Шейгал, автора программы можно отнести к рассказчику,

который цитирует, пересказывает и комментирует высказывания политиков [12, с. 94].

В рамках передачи, которая выходит раз в неделю и длится 30 минут, автор обращается к жанру сатирического комментария политических событий, произошедших за неделю и освещенных в официальных новостях. Таким образом, аналитический пласт передачи определяется информационным поводом – актуальным, оперативным событием, по отношению к которому Шендерович должен дать краткий и оперативный анализ, но подобной задачей интенция автора не исчерпывается. На уровне жанрового воплощения коммуникативная цель воздействия выражается в комбинировании информативного, информативно-оценочного и оценочно-императивного жанров. Каждому жанровому комплексу соответствует свой «голос» в полифонии передачи и свой тип языкового воплощения. В связи с этим можно говорить о явлении поликодовости, сложной коммуникативной технике взаимодействия со слушателем, которого важно не только проинформировать, но и развлечь, убедить. Средством достижения подобной цели является коммуникативная установка на игровую форму подачи информации: автор использует приемы стилизации под народную речь, обращается к сказовой манере повествования, также в речевую ткань вплетаются сатирические куплеты, анекдоты, афористичные высказывания, фразеологизмы и прецедентные тексты. Структурные элементы передачи выступают как взаимодополняющие друг друга субжанры [в определении К.Ф. Седова; 9, с. 151], целостность которых обеспечивается коммуникативной задачей – повлиять на мировоззрение слушателей, заставить их усомниться, переоценить какое-либо политическое событие.

Таким образом, из отдельных фрагментов складывается целостная картина, некий коллаж серьезного, пародийного, фарсового, лиричного; жанровый «сплав», рубрики которого объединены оценочным комментарием автора.

Ироничная, игровая манера речи, характерная для В. Шендеровича, и коллажная структура программы позволяет провести аналогию с райком – видом ярмарочного красноречия, балагурного пояснения к показываемым картинкам. В. Шендерович, подобно фольклорному раешнику, дает пояснения (иронические комментарии) к демонстрируемым «картинкам» – фактам из современной российской общественно-политической действительности. Речь автора изобилует просторечной, сниженной лексикой с ироничным подтекстом, например: *«и не такие логические пробки пробивали судейским вантузом», «получил в торец от президента», «трындеть без опасения получить прилюдно по шее за вранье»; «и старый конь-Зюганов борозды не испортит, и из Богданова получился бы неплохой маленький Явлинский для потешных баталий, и Жириновский поправится на радость отечественному цирку», «может пора перестать жевать сопли», «не хотят с голым пузом скакать в медвежьем балагане» (о российских чиновниках).*

Оценочно сниженный тон становится определяющим при интерпретации политических событий: издание законов, переговоры разыгрываются как фарсовый спектакль, призванный показать абсурдность того или иного события: *«горячий отклик нашло на Руси предложение царя-батюшки рубить руки мздоимцам, ... до ста чиновников в день подвергаются этому наказанию на лобном месте, после чего тут же на Васильевском спуске руки им пришиваются обратно, и уже через час чиновник может снова приступать к работе».*

Актуализирование оценочно-аргументативной стратегии можно наблюдать через образ автора, который обобщает, акцентирует внимание на значительных, по его мнению, фактах, событиях, описывает, подводит итоги, делает заключения, то есть выводит мысль на новый уровень критического отношения к происходящему. Следует отметить, что общий саркастический тон передачи нейтрализуется семиотическими средствами – ритмичной фоновой музыкой, звучанием народных инструментов, композицией, которая выстраивается по принципу ритмичной перебивки – официальный тон новостей

сменяет частушечное пение, саркастическое повествование автора – стихи поэта-правдоруба Иртеньева.

Таким образом, можно говорить о том, что специфика аналитической программы заключается в сложной организации ее жанрового, полифонического единства, целостность которого обеспечивается не только ролью продуцирующего речь, но и ролью воспринимающего. Модель дискурса информационного радио предполагает активную роль адресата. Прежде всего это находит свое выражение в том, что установка на адресата является определяющей при коммуникативной целеориентации автора, при выборе им репертуара языковых и семиотических средств. Результатом этого процесса коммуникативного взаимодействия становится формирование через ответную реакцию адресата, его вовлеченность в коммуникацию или ее отторжение, факторов, определяющих ценностную картину мира реципиента.

В центре внимания Шендеровича – когнитивно ориентированные понятия, связанные с отражением образа современного мира, который видится как полный противоречий, алогизма, абсурдности. О когнитивно-оценочной технике конструирования мира в оппозиционном дискурсе можно говорить в связи с тем, что Шендерович следует публицистическому принципу панорамирования – отбора фактов, при котором в центре внимание оказывается не просто актуальное, «текущее» событие, попавшее в поле внимания в силу своей очевидности и оперативности, а событие, выступающее в роли оценочного контраста к другим комментируемым фактам. В этом случае можно говорить об эффекте стереоскопичности, который создается за счет «высвечивания» политических событий государственного уровня частными, бытовыми и наоборот.

Комментируемые события расцениваются как «болевы точки», зоны наибольшей конфликтности, причем уровень их авторского масштабирования один и тот же – и частное и политическое события значимы с точки зрения демонстрации аномативности, абсурдности происходящего. При рассмотрении разных по значимости событий в одном оценочном контексте

создается эффект «дрейфующей» коннотации, когда оценочные смыслы, актуализированные событийно не связанными фактами, пересекаются в плоскости авторских оценок. Например, новостной блок одной из передач составили следующие события: прекращение дела об убийстве Галины Старовойтовой за истечением срока расследования (комментарий: *просто зашиваются от работы наши чекисты, бросаются в самое пекло боя*), заявление уральских депутатов об исламистской угрозе региону (*исламская армия на Урале – главное, что угрожает хребту... можно ли отвлекаться на поиски убийц, когда тут такое!*), информационное заявление о высоких неучтенных доходах московских милиционеров (*а кто же еще в России на охране закона? – тоже чистые руки, но волосатые...*) и, наконец, еще одно событие из панорамы оценочно взаимосвязанных – история о том, что 27 тыс. сотрудников милиции участвуют в операции «Первоцвет» (*на одну преступную бабку 330 милиционеров!*) по предотвращению незаконной торговли подснежниками (*облава на бабушек с подснежниками – тут вам не за скинхедами бегать и, не убийцу искать...*).

Подобный принцип композиционного монтажа (Л.В. Лазутина) является для передач Шендеровича универсальным, 5-7 комментируемых за время эфира событий объединяются на основе авторского прочтения, обнаружения скрытых, неочевидных для адресата связей. Комплекс оценочных смыслов (этический, психологический, интеллектуальный) актуализирует формируемое автором представление о ненормативности социального мироустройства, его абсурдности, этической бесперспективности:

*Тех ребяток, что в кремле, нет святее на земле,
Даже самый страшный суд эти ангелы нагнут.*

В качестве основных концептообразующих смыслов, участвующих в формировании модели мира, выступают актуальные события из политической, экономической, социальной жизни страны. Протестный пафос программы направлен не только против власти и ее экономической политики вообще (что отражает «особенность русского протеста» [Левада, 2000]), а на вполне

конкретные лица, в качестве которых выступают прежде всего представители партий (коммунистической, либеральной и «очень демократической») и государственные чиновники (председатель ЦИК, мэры городов, губернаторы). Таким образом, можно говорить о том, что базовым принципом моделирования антиномичного в своих проявлениях мира становится принцип субъектной поляризации.

В центре конструируемой в «Плавленом сырке» действительности – герой (антигерой) и связанные с ним события. С одной стороны, *свежее мясо*, с которым необходимо проводить воспитательную работу (*оказывается, большинство не хотят служить, потому что никто с ними с раннего детства не работал, никто не приводил в патриотическое чувство*), а с другой стороны, это политики и номенклатурные чиновники: **коммунисты** (решившие, что у молодежи должен быть пантеон своих молодых героев, например, образ молодого Сталина). Также героями саркастических комментариев становятся *жители провинции, садоводы, бабы дуси и кузьмичи*, отстаивающие свои сотки, и *законотворцы*, озадаченные тем, как их отнять (*Лужков инициировал поправки в земельный кодекс, упрощающий изъятие земельных территорий под строительство государственных объектов*); *граждане, плохо соображающие с бодуна* (каждый 4-ый, по данным социологического исследования, не смог сформулировать свой мотив выбора президента), и *чиновники от государства*, которые обсуждают недостаточность двух сроков для президентства; *стражи порядка*, чистые, но волосатые руки с доходом в 1 млрд. руб., и *московские бабушки*, торгующие подснежниками – *главный оскал преступного мира* и т.д.

Моделируемый автором мир населяют те, кто ближе к скипетру и вертикали, и те, кто чешут репу и ждут пугачевщины. В результате происходит полное единение народа и власти. И если власть предрержащие оцениваются только негативно (в параметрах интеллектуальных, психологических, этических оценок), то противостоящий власти народ не

получает однозначной оценки, его образ сложен, в нем совмещены терпеливость, покорность и в то же время дремлющий бунтарский дух.

Характерно, что автор позволяет себе быть не беспристрастным публицистом, в полифонической организации программы голос народа часто объединяется с мнением, позицией самого Шендеровича: *были бы мы поактивней, давно погнали бы вас поганой метлой по Черкасскому переулку (на Лубянку), а так почиваем на радость начальникам... Рисуйте за нас проценты, но только веры не требуйте...мы ленивые, но не совсем тупые...*

Моделирование мира в оппозиционном массово-информационном дискурсе предполагает определенный хронотоп, пространственный образ которого выстраивается через противопоставление центра и периферии. Идеологическое оснащение семантики пространственных образов достигается благодаря использованию ярких оценочных коннотаций, свойственных мифологемам, архетипическим образам, прецедентным текстам, выступающим в функции эмоционально-оценочных аргументативов.

В качестве центра моделируемого мира выступает столица, поэтические названия которой (*белокаменная, златоглавая*) резко контрастируют с ее политическим «содержимым»: с политиками, принимающими антинародные законы, чиновниками, выводящими проценты голосующего народа, стражами порядка, которые, подобно архитекторам, *отсекают все лишнее* – борьбу с преступностью *и оставляют самое главное*.

Удаленная от политического центра периферия представлена теми, кто сопротивляется принимаемым в Кремле законам: ларечными торговцами (*источник коррумпированности*), бабушкам и дедушкам, отстаивающим свои земельные участки, несознательной молодежью, которая не хочет выполнять свой священный долг, *дабы не остаться без рук и половых органов* и т.д. Пародийный уровень восприятия политически и социально значимых событий актуализируют анекдотические истории, выступающие в функции дополнительного оценочного комментария: *Баба Дуся мужественно отстаивает свою высотку в 9 соток, а в качестве оружия использовала деда*

Кузьмича, объевшегося гороха. Подобный эмоционально-оценочный фон для восприятия серьезной, требующей аналитического осмысления информации, создают фарсовые куплеты с дискредитирующим смыслом:

В Сочи разместят умело олимпийских пять колец

Приходи под это дело населению копец.

В качестве *отдаленного* от российских рубежей выступает образ заграничного пространства, основной особенностью которого является отсутствие проблем, кроме одной и главной для России – наличия «чудес»: например, *в Бельгии есть все, благополучие, бриллианты, шоколад, но нет чудес!* - Фраза-реакция, прозвучавшая на новостной стимул – заявление председателя ВЦИК о том, что нужно воспитывать гражданскую позицию, *«поскольку у нас нет механизмов принудительного голосования, как в Бельгии».*

В иронично-пародийной манере Шендерович комментирует заявление председателя: *в Бельгии? Оно конечно... там ведь бриллианты, шоколад, но нет чудес! А у нас то леший бродит, то рождаемость-смертность гуляет по предвыборной синусоиде...*

Подобная фраза выступает как подготовительная, усиливающая парадоксальный смысл демографической закономерности: *как же так получается, за год убыль населения составила 400 тыс., а голосующих прибавилось на 1,5 миллиона?..*

В системе идеологических и культурных контрастов образ России предстает как средоточие разного рода конфликтов и противоречий – духовно-нравственных, социальных и политических:

Русь – не небо под хлебами

Русь - чиновника хлебало при одной мигалке

Причина подобного устройства русского мира усматривается не в онтологическом и фатальном «невезении», а в вполне конкретных обстоятельствах – чиновничьей, олигархической организации власти.

Тех ребятков, что в кремле, нет святее на земле,

Даже самый страшный суд эти ангелы нагнут.

Для восприятия картины мира, моделируемой в оппозиционном информационно-массовом дискурсе, особое значение имеет временная перспектива разворачивания событий. В качестве оценочных актуализаторов выступают образы прошлого и будущего времени, создающие декоративный, образный фон для восприятия актуальной журналистской информации. Одним из продуктивных приемов оперирования с временными пластами является прием стилизации, заключающийся в использовании устаревших форм слов, специфической лексики, отсылающей к прошлому: *царь-батюшка, мздоимцы, упасть в ноженьки, знай себе, все глаголяша да хватат, ой вы гой еси, добры молодцы, ухнет, дубинушка* и т.д. Также продуктивным является прием фантастического проектирования событий, отсылающий к будущему времени, образ которого связывается с газетой 2018 года. Эффект укрупнения оценочного смысла и, как следствие, усиления абсурдности достигается благодаря приему совмещения двух информационных плоскостей – настоящего и будущего. Виртуальная газета становится тем временным пунктом, в котором парадоксальным образом встречаются герои прозвучавших новостей: *состоялась битва бабки Лукерьи со скинхедами за первоцвет; очередная попытка умом понять причину голосования и общим аришином измерить общую явку закончилась госпитализаций специалистов СО в стационар имени Кащенко.*

Подобный композиционно-стилистический прием можно рассматривать как реализацию коммуникативной установки на декодирование, прочтение разных смыслов, установление контактов с адресатом.

Особое место в системе ценностей, эксплицируемых картиной мира, занимают советские идеологемы (понимаемые вслед за Н.А. Купиной как «любой речевой отрезок, значение которого связано с обозначаемым денотатом идеологического типа [5]), основная особенность которых заключается в трансформации исходного идеологического смысла. Актуализируясь в новом социально-политическом контексте, они обретают новое пародийно-фарсовое значение – *священный долг* приравнивается к военной мясорубке, в которую

могут угодить мальчики, не получившие *уроков патриотического воспитания* (никто не поработал с косящими от священного долга, никто не объяснил им, что быть проданным в рабство – *примета гражданской зрелости*). Новый идеологический смысл формируется как профанный, прямо противоположный тому, что был закреплён за советскими штампами. Реконструктивное прочтение идеологом более сложное, предполагает не декларативность и однозначность смысла, а процесс декодирования, эксплицирующий закреплённые за идеологемой коннотации, новые, наращенные в контексте высказываний смыслы, обуславливающие эффект дискредитации. Например, один из центральных в советском политическом пространстве образов – *единство партии и народа* – обыгрывается через название партии с подобным названием. *Светлое будущее* (в которое все айда!) осмысляется в связи с актуализированным образом чиновничьего беспредела. Базовый смысл в политической системе ценностей приравнивается к одному политическому объединению.

Мой юный друг, калачики лепя, чертя свои каракули косые,

Ты должен знать, что помнит про тебя

Единая великая Россия.

Характерно, что при использовании советских идеологом с негативной семантикой также происходит оценочная трансформация. Оценочно негативные образы, которые, как правило, использовались для дискредитации западной политической системы, приобретают в контексте оппозиционного дискурса противоположные коннотации. Фразеологические обороты советской эпохи, такие как *мировой заговор, шпионская агентура, угроза капитализма, загнивающий капитализм* приспособляются к реалиям современной политической жизни, выполняя функцию оценочной квалификации, но в ином смысловом преломлении. Например, в ситуации оценки несостоятельности правосудия (в деле Невзлина) и действий свидетелей, проигнорировавших судебное заседание в силу моральных убеждений, Шендерович использует идеологему *ползучая сеть сионизма*, которая актуализирует подтекстовый

смысл и нейтрализует негативную оценку, данную свидетелям официальными источниками информации.

Подводя итоги анализу оппозиционного информационно-массового дискурса, можно говорить о том, что специфика его коммуникативной и когнитивной организации определяется следующими факторами:

1) ориентацией на пейоративные векторы моделирования аксиологической картины мира, проявляющейся в выборе приемов гиперболизации, контраста, гротеска;

2) влиянием постмодернистской эстетики, основным смысловым эффектом которой становится представление об алогизме связанных политикой событий и мироустройства в целом;

3) обращением к жанрово гибридным формам, выступающим в рамках дискурса своеобразной эстетической альтернативой современной *монологической* идеологии;

4) использованием сюжетно-мотивных, языковых ресурсов фольклора, связанных с образом автора, особенностями его речевой манеры и выступающих в качестве оценочно-смыслового контраста к официальному уровню информации (при цитировании политиков, официальных заявлений, источников информации и т.д.);

5) активным использованием идеологической лексики советского времени, функциональные особенности которой проявляются при актуализации в ней новых оценочных смыслов.

Литература

1. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005.
2. Грабельников А. А. Русская журналистика на рубеже тысячелетий. – М., 2001.
3. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. – М., 1999.

4. Карасик В. И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс. – М., 2004.
5. Купина Н. А. Тоталитарный язык // Энциклопедический словарь современного русского языка под ред. М.Н. Кожиной / <http://library.krasu.ru>
6. Лазутина Г. В. Основы творческой деятельности журналиста. – М., 2001.
7. Левада Ю. А. Homo Post-Soveticus // Общественные науки и современность, 2000, № 6. – С. 5-24
8. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса. – М., 2007.
9. Седов К. Ф. Социопрагматический аспект теории речевых жанров. – Саратов, 1998.
10. Тертычный А. А. Аналитическая журналистика: познавательно-психологический подход. – М., 1998.
11. Уваров У. С. Русский коммунизм как постмодернизм // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира, 2001. [http:// anthropology.ru](http://anthropology.ru)
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического текста. – Волгоград, 2000.
13. Шостак М. И. Информационные жанры. – М., 1998.